Гришка-росстрижка (5)

Олонецкой губернии.

Господь-то на нас поразгневался
На славное царство Расейское,
На Расейское царство Московское.
Дал нам Господь царя несчастливого,
Назвался собака-вор прямым царем,
Прямым царем, царем Митрием,
Царевичем Митрием Московскиим.
Не успел вор-собака вцаритися,
Похотел вор-собака женитися:
Не у нас в Росеи в каменной Москвы,
Не в каменно́й Москвы — в хороброй Литвы,
У Юрья пана́ Сердобольского,
На самой меньшией дочери,
На душеньке Марине на Юрьевны.
Пир-свадьбу играли в Филиппов пост,
Венец принимали в Миколин день,
А Микола у нас была в пятницю.
Дошло это дело до Велика дни,
До Великого дни до Христова дни.
У того ли у Иоанна Великого
Ударили в бо́льшой во колокол.
Все князи-бояри к обедни пошли,
Ко той ко христовской заутрени,
Вор Гришка-росстрижка он в мыльню идет
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи-бояра Богу молятся,
А вор Гришка-росстрижка в мыльне моется
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи-бояра от обедни пошли,
От той они христовской заутрени,
Вор Гришка-росстрижка со мыльни идет
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
На Гришке тулуп восемьсот рублей,

На Марине салоп в целу тысящу.
Выбегал вор-собака на царско крылечико,
Кричит вор громким голосом,
Чтобы было слышно к королю в Литву,
К Юрию пану Сердобольскому:
«Послушай Марина что я́ скажу,
Послушай Марина что я́ говорю!
Поди в полату белокаменну,
Не бей челом князем-боярам,
Не кланяйся ты чудным образам.
Седь, Марина, за дубовый стол,
Кушай-рушай белу́ лебедь,
Проживем с тобою может тридцать лет.
Прожить ли Марине хоть три году —
Не прожить нам с тобой Марина три́ часу»1.
Собирались господа, бояри московскии,
Думали думушку обчую,
Приходили ко иноке Марфе Ивановне.
«Инока Марфа Ивановна!
Верно Господь на нас разгневался
Что дал царя несчастливого!» —
«Неумны вы господа вси неразумны!
Дмитрию царю ведь смерть при́дали,
Голову рубили в хоробро́й Литвы,
А мощи хоронили под каменну́ церковь.
А что Гришка-росстрижка Отрепьев сын
Сидел в тюрьме ровно тридцать лет,
Заростил крест во белы груди,
Так назвался собака прямым царем,
Прямым царем, царем Митрием,
Царевичем Митрием Московскиим».
Тут господа бояре вси московскии,
Собрались бояре в одно́ место,
Гришке-росстрижке смерть придали,
А его жену в окно бросили.

(Записана А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года от кр. д. Конды Сенногубской волости в Леликове. Напечатана в «Онежских былинах» т. II, стр. 424-426. № 143)

1 «Это он видит в окно», — пояснил сказитель.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.